

Ю. В. Митлина**Мир лакомств как предметная сфера детской повседневности глазами ребенка и торгово-санитарных служб столичных городов Российской империи в конце XIX — начале XX века**

В конце XIX века в столичных городах Российской империи большее внимание со стороны органов местного самоуправления начинает уделяться контролю за качеством пищевой продукции, в том числе предназначенной для детей. В статье анализируются делопроизводственные источники торгово-санитарных служб Санкт-Петербурга и Москвы и источники личного происхождения, что дает возможность сравнить критерии качества сладостей, важные для официальных служб и для конечного потребителя — ребенка. Показано, что производители и торговцы использовали широкий арсенал средств для привлечения внимания детей: необычная форма выпечки, яркий цвет кондитерских изделий, возможности использования сладостей для игр. В погоне за привлекательным внешним видом продуктов производители, по заключению агентов торгово-санитарного надзора, применяли запрещенные красители, некачественное сырье, вместо обертки использовали газетные листы и т.д. Сравнение мнений потребителя-ребенка и эксперта — агента торгово-санитарного надзора, следящего за качеством пищевой продукции, позволяет сделать вывод о том, что для детей решающее значение в оценке лакомств имеет эмоциональная составляющая, включающая простоту покупки, художественное оформление, многофункциональность использования сладости, а не ее качество, вкус и цена.

Ключевые слова: детская повседневность, «мир лакомств», торгово-санитарные службы, столичные города, кулинарное мастерство.

Введение

В последние десятилетия внимание исследователей стали привлекать источники личного происхождения (воспоминания, заметки, письма, этюды и т.д.), посвященные повседневной жизни Российской империи конца XIX — начала XX века. При использовании такого материала практически не рассматривается аспект, крайне важный при работе с этими источниками, — возраст создателей воспоминаний на момент событий.

Многие авторы описывают повседневную действительность конца XIX — начала XX века «глазами ребенка», т.е. именно детскую повседневность. Некоторые в контексте этого пытались рассматривать свое детство с флером мистическим, озаренным особым светом, влияющим на описание действительности, например С. Горный [15] и И. Шмелев [38], другие с высоты своих лет старались характеризовать бытовую жизнь более сухо, сдержанно (П. А. Пискарев и Л. Л. Урлаб [31], В. И. Пызин и Д. А. Засосов [18], Н. П. Вошинина-Киселева [11] и др.). Однако всех этих авторов объединяет подробное описание предметной сферы жизни ребенка в дореволюционной России, нюансы охарактеризованы достаточно точно — то, что казалось взрослым само собой разумеющимся, не заслуживающим упоминания, для детей приобретало подчас сакральное значение.

Одной из важных категорий повседневности, по мнению Н. Л. Пушкаревой и С. В. Любичанковского, являются обстоятельства личной, частной домашней жизни, а также эмоциональная сторона явлений и событий [33]. В данном контексте в детской повседневности дореволюционной России конца XIX — начала XX века можно выделить вопросы питания, причем не общие вопросы организации и культуры питания, а мир лакомств. Категория эта определяется не взрослыми, а детьми, и в отдельных случаях отличается существенно.

В последнее время ментальному здоровью как состоянию благополучия уделяется большое внимание. Изучение воспоминаний конца XIX — начала XX века дает возмож-

© Митлина Ю. В., 2022

ность обратить внимание на то, как с помощью детских лакомств создавалось ощущение защищенности, моральной удовлетворенности. Восприятие праздника и ожидание чего-то волшебного помогало детям, маленькие радости наполняли их жизнь особым смыслом [1, с. 23]. Все это значимо и для современных юных потребителей, мир лакомств и сегодня важен в детской повседневности.

Для разностороннего рассмотрения роли и места лакомств в предметной сфере детской повседневности конца XIX — начала XX века представляет научный интерес сопоставление отношения и оценки лакомств детьми и официальными органами (торгово-санитарными службами столичных городов Российской империи по надзору за качеством пищевых продуктов).

Именно поэтому за методологическую основу исследования взято изучение мира лакомств как составной части структуры повседневности через сравнение противоположных по своей сути элементов: лакомства, их вкус и значение в жизни неискушенного потребителя (ребенка) и те же продукты в плане оценки их по составу и качеству агентами торгово-санитарного надзора столичных городов. Изучение эмоционально-восторженного отношения ребенка к лакомству, с одной стороны, и прагматично-рационального взгляда на эти же лакомства торгово-санитарных служб, с другой стороны, позволяет провести комплексное исследование «повторяющегося, “нормального” и привычного, конструирующего стиль и образ жизни» [33, с. 7] ребенка, точно определить значение мира лакомств в детской повседневности. Такая методология исследования дает возможность сконструировать повседневность так, что «дилетантам противопоставляет себя специалист в узкой предметной области — эксперт» [6, с. 44]. В данном контексте дилетант — ребенок противопоставляется эксперту — агенту торгово-санитарного надзора.

Отдельные аспекты этой проблематики находят отражение в трудах, посвященных детской повседневности. Тема рассматривалась В. А. Веремченко в статьях [7; 10] и монографии [8]. Некоторые вопросы детской повседневности раскрывают в своих работах А. В. Белова [3] и Н. А. Мицюк [25].

Теоретические вопросы истории повседневности, ее методологию разрабатывали Н. Л. Пушкарева [33] и Е. В. Банникова [2]. Особенности торгово-санитарного контроля за качеством «съестных припасов» в крупных городах Российской империи в последнее время подробно анализировали Е. Д. Твердюкова [36] и Е. В. Прохорова [32]. Однако делопроизводственные источники и воспоминания в качестве структурных элементов в истории детской повседневности при изучении мира лакомств не рассматривались.

Целью исследования является рассмотрение мира детских лакомств глазами ребенка и надзорных служб торговой полиции столичных городов Российской империи конца XIX — начала XX века в будние и праздничные дни.

Задача исследования — анализ практического и эмоционального аспекта мира лакомств для детей и подростков как в повседневной жизни, так и в праздники.

Для решения поставленной задачи использовался метод объективно структурированного сравнения впечатлений детей того времени и взрослых — чинов торговой полиции и санитарных комиссий.

Хронологические рамки исследования охватывают рубеж XIX—XX вв., поскольку именно в это время в столицах Российской империи начинает совершенствоваться система торгово-санитарного надзора за качеством пищевых продуктов и напитков, открываются санитарные аналитические лаборатории (станции), благодаря которым становится возможно с научной точки зрения выявить качество продуктов питания.

Территориальные рамки работы ограничиваются столичными городами Российской империи конца XIX — начала XX века — Москвой и Санкт-Петербургом. Избранные

рамки связаны в основном с тем, что в этих городах проживало население различного уровня достатка, было много торгово-промышленных заведений разной направленности, а также активно работали надзорные органы, отслеживающие качество продуктов питания.

Источниковую базу исследования составили опубликованные делопроизводственные документы и источники личного происхождения. Воспоминания о повседневной жизни конца XIX — начала XX века отбирались по трем критериям: авторы в данный временной период должны были быть детьми или подростками, а также проживать в Санкт-Петербурге или в Москве и, по возможности, относиться к семьям с различным уровнем дохода. На этом основании для освещения жизни в Санкт-Петербурге использовались воспоминания С. Горного [15], В. А. Оболенского [26], Д. А. Засосова [18], П. А. Пискарева [31] и др. Для анализа повседневной жизни другого столичного города — Москвы — анализировались заметки Н. Г. Телешова [37], А. Г. Коонен [20], И. Белоусова [4] и др.

Для оценки лакомств с точки зрения качества, состава и пищевой ценности приводятся данные о доброкачественности пищевой продукции по делопроизводственным материалам столичных городов: использовались отчеты московских базарных врачей-смотрителей [30] и аналитической санитарной станции [27], а также отчеты торгово-санитарных врачей Санкт-Петербурга [28; 29]. Именно такая разноплановая источниковая база позволяет представить и проанализировать вопрос лакомств в повседневной жизни детей во всей его многогранности.

Результаты исследования

Мир вещей, по мнению С. Горного, есть чудо. Он, как и другие авторы воспоминаний, подвержен особому виду любви: «бухгалтерии жизни, составлению списка виденного» [15, с. 110—111]. Если касаться мира лакомств, то список виденного, желаемого для каждого ребенка возглавят, конечно, кондитерские и хлебобулочные изделия: здесь диапазон и ассортимент любимых угощений был крайне разнообразен. Значимость угощения, по мнению ребенка, определялась временем и местом, где покупали сладости.

У детей особой популярностью пользовались булочки с висящим над входом и поскрипывающем на ветру золотистым кренделем. Именно в этих заведениях торговали булками, выпечкой, пирогами и пирожными, а также чищеными апельсинами [34, с. 30—31]. Романтические барышни, восторженно глядя на золотистый крендель, шепотом пересказывали историю трагической любви, благодаря которой был раскрыт секрет рецептуры выборгских кренделей, выведенный у влюбленной финляндки петербургским пекарем Александром Ивановым [5, с. 75—76]. Особо привлекала ребят необычная выпечка, такая как жаворонки, крохотные французские батоны, гречишники, «христова лесенка» и т.д., при этом дети разрабатывали свой, особый прием их поедания. Так, булочку-жаворонку, выпекаемую из теста, где глаза заменяли изюминки, следовало начинать есть с румяного клювика [15, с. 104]. «Христову лесенку», выпекаемую, как правило, на Вознесенье, ели осторожно, так как считалось, что если лесенку случайно сломаешь, то в рай не вознесешься из-за тяжелых грехов. «Лесенку» дети несли домой очень осторожно, аккуратно, кусая ступеньку за ступенькой [38, с. 89].

Желанным угощением для детей были сладости и выпечка, связанные с праздничными днями, купить которые можно было только в особые дни. Впрочем, даже охваченные радостной предпраздничной эйфорией, дети подчас замечали нюансы производства хлебобулочных изделий, которые могли бы заинтересовать надзорные органы, отвечающие за работу торгово-промышленных заведений города. Так, И. Шмелев, описывая ожидание пасхальных праздников, замечал вскользь, что даже в булочной Воронина, у которого «крысы в квашне ночуют», принимали заказы на куличи и выпечку творожной пасхи [38,

с. 57]. Творог разминали в кадушке, тыча в нее красными руками, при этом вся одежда, лицо пекарей были в муке и твороге [23, с. 300]. Действительно, для торгово-санитарных служб в Москве нарушения в булочных и пекарнях при них были делом обычным. Грязь, о которой упоминает И. Шмелев в своих воспоминаниях, была бичом большинства пекарен.

Теснота и неудобство самих помещений служили неустранимым препятствием для соблюдения чистоты в пекарнях. Это происходило из-за желаний владельцев пекарен сэкономить на аренде [28], встречались и вопиющие случаи, когда в одной квартире, где была мастерская сапожника, наполненная обрезками кожи, пекли пироги для уличной торговли, разумеется, хозяин не имел разрешения на этот вид деятельности [14, с. 130].

Аналогичные проблемы были и в Санкт-Петербурге. В 1905 г. пятая часть всех осмотренных хлебопекарен, булочных и кондитерских северной столицы была признана неудовлетворительной в плане содержания помещений [29, с. 211]. Торгово-санитарный врач Московской части Санкт-Петербурга сетовал на то, «что труднее всего воплотить в жизнь требование к пекарям держать руки в чистоте, одежда же пекарей вся в засохшем и дурно пахнущем тесте» [29, с. 234]. Так что замеченные и описанные Ив. Шмелевым «особенности» работы пекарен действительно были характерны для того времени. Впрочем, покупатели видели только парадную сторону булочных и пекарен, где царил чистота и миндально-сладкий дух.

Особым лакомством для простых ребят-подмастерьев служила выпечка, которую можно было использовать в процессе игры, — это пряники и гречевники (дети их называли «грешники»), продаваемые в постные дни. Выпеченный из гречневой муки, «грешник» обжаривали в особых формочках из глины. Как правило, гречевники продавали парами, их разрезали вдоль и поливали постным маслом [4, с. 26]. Единственным минусом этой выпечки было то, что есть ее нужно было только в горячем виде, остывая, «грешники» становились невкусными. Однако предприимчивые торговцы, к восторгу детворы, использовали остывшие гречевники для игры. В вырезанные на лотке кружочки устанавливали выпечку, на гречевник помещалась копейка ребенка. Ножиком нужно было ударить по гречевнику так, чтобы выпечка вылетела из кружка вместе с копеечкой. Сделать это было очень непросто и требовало определенной сноровки. В случае проигрыша копейку забирал себе торговец. Зато если кто-то выигрывал, то даже холодный гречевник казался сказочно вкусным [12, с. 97].

На пасхальную неделю мальчики играли в «пряники», которые торговцы продавали на набережной Москвы-реки. Пряники, выпекаемые из пеклеванной муки, были твердые и невкусные, их мало покупали для еды, зато могли использовать для игры. Игрок должен был так ударить пряник о край лотка, чтобы переломить его пополам. Из-за низкого качества муки пряники зачастую либо не разламывались вовсе, либо разлетались на мелкие части. В случае выигрыша мальчики получали пряник бесплатно, в случае проигрыша — отдавали продавцу копейку [4, с. 55—56].

Торговцы, осуществляющие разносно-развозную торговлю, должны были иметь разрешение на такой вид деятельности и «жестянку» — значок, который выдавался после уплаты необходимой суммы на право торговли [35, с. 10]. Чинам торговой полиции вменялось следить за тем, чтобы все разносные торговцы имели пришитые на груди значки, проверять же качество продукции у таких торговцев было крайне затруднительно из-за самого характера торговли. На рыночной площади или во время гуляний, когда большая масса людей перемещалась в разные стороны, у торговой полиции физически не было никакой возможности следить за разносчиками. Торговцы в это время умело пользова-

лись неумным детским любопытством, сбывали пряники из дешевой муки и остывшие «грешники», зарабатывая в праздники приличные суммы.

В воспоминаниях детей часто встречаются рассказы о разносчиках, распевающих, каждый на свой мотив, рекламу товара [17, с. 6, 13; 37, с. 275]. Особенно поражал воображение булочник, носивший свой товар в лотке на голове и продававший хлебцы, которые «захватывают дух, на вкус, что жареный петух» [19, с. 206]. Разумеется, приобретаемые хлебцы были для маленьких покупателей «особо вкусными». С. Горный такую привлекательность разносной торговли для детей объяснял следующим образом: ребенку, для того чтобы зайти в магазин, надо было решиться, а у торговца на улице можно купить так, словно мимоходом, что понятнее и проще [15, с. 47].

Первоначально торговля мороженым в столице Российской империи осуществлялась как разносно-развозная. В. А. Оболенский, выходец из аристократической семьи, вспоминал о том, что родители строго запрещали ему есть мороженое, так как считалось, что делают его из молока, в котором в петербургских больницах купают больных [26, с. 206]. Слух о происхождении мороженого был настолько силен, что в него даже искренне верили взрослые культурные люди.

К последнему десятилетию XIX века мороженое в столичных городах стало довольно популярным. Осуществляли его продажу представители разносной торговли, реализующие сезонный товар. Осенью они продавали различные фрукты и овощи, зимой — мороженую рыбу или мясо, летом в жаркое время — квас или мороженое [29, с. 245]. Производили мороженое кустарным способом крестьяне соседних с Санкт-Петербургом и Москвой губерний. При этом для производства арендовался сарай, никаких специальных приспособлений они не имели [29, с. 256]. Наиболее популярным было сливочное, фисташковое и ягодное мороженое. Торговцы наполняли льдом специальные сундуки с крышками и помещали туда мороженое. Покупателям накладывали порцию на картонные кружочки или лоскутки бумаги. Ели его с помощью деревянных лопаточек [29, с. 261]. Торговцев мороженым считали привилегированными, и на их бодрый голос «морожинахорошее» всегда сбегалась детвора [26, с. 14].

Упорядочение продажи мороженого санитарными службами столичных городов было делом нелегким, несмотря на принятые обязательные постановления [27, с. 9]. В столице Российской империи даже было несколько резонансных случаев отравления мороженым. Как установили чины торговой полиции, это произошло из-за использования плохо луженой посуды, в которой хранили товар при перевозке [16, с. 250]. Однако для детей в жаркие летние дни мороженое оставалось самым желанным лакомством. Очень точно эти эмоции передал С. Я. Маршак в стихотворении «Мороженое»:

Ребятишки босиком
Ходят вслед за сундуком.
Остановится сундук, —
Все становятся вокруг [22, с. 4—6].

Дети не замечали ни засаленного сундука, ни отсутствия ягод в ягодном мороженом, ни орехов в фисташковом — это лакомство принималось абсолютно восторженно.

Особо следует обратить внимание на большую часть мира детских лакомств — кондитерские изделия и особенно конфеты. Понимая, что основными потребителями этих сладостей являются дети, вся торговля организовывалась так, чтобы привлечь внимание юных потребителей. Ассортимент этой продукции в начале XX века поражал воображение и кошелек. Для привлечения внимания перед праздниками витрины по-особенному оформляли: делали снежные сугробы из сахара со стоящими рядом рождественскими дедами, пасхальные яйца величиной с ребенка и т.д.

В Санкт-Петербурге славились витрины Жоржа Бормана и М. Конради [24, с. 100]. Для привлечения покупателей выпускались определенные серии конфет с вкладышами. Так, у детей была популярна серия «Детский волшебник» Ж. Бормана, состоящая из 14 оберток. Следуя инструкции, при использовании незначительных материалов, можно было без помощи взрослых показывать фокусы [24, с. 99]. На фабрике «С. Сиу и Ко» выпускались шоколадные наборы для детей — «История», «Азбука», «География» и другие с заданиями и головоломками внутри. У торгово-санитарных служб качество продукции этих фирм практически не вызывало нареканий за исключением оборудования для отвода сточных вод [21, с. 23]. Однако в воспоминаниях детей того времени упоминаний об этих известных фирмах практически не встречалось.

Для ребенка гораздо важнее оказывалось что-то яркое, необычное, поражающее воображение. Такими, например, стали кондитерские изделия фабрики Абрикосова, выполненные на заказ. «После празднования именин на стол подали котлеты с подрумяненным картофелем и зеленым горошком. Гости, включая детей, даже оскорбились — кто же в конце обеда ест отбивные котлеты?» [38, с. 249—250]. Оказалось, что все это было сделано из сладкого марципана, таково было «великое мастерство от Абрикосова, так запомнившееся на долгие годы» [38, с. 250].

Однако чаще встречаются упоминания о сладостях, продававшихся на развес и поштучно в небольших лавочках и ларьках. Именно «незашоренный» детский ум, заметивший, что продавать монпансье можно и не заворачивая в бумажки, помог подняться кустарю-производителю разноцветного монпансье Федору Ландрину [12, с. 258]. Лавочники-продавцы кондитерских изделий предстают перед детьми-потребителями как люди необыкновенные, которые, взяв стеклянную банку и обняв ее, кладут конфеты на медяк в кулек. Кулек этот сворачивали из газеты «Гадалка» — печатного издания, которое славились своими многочисленными рекламными объявлениями с завлекающими картинками [15, с. 37]. Для ребенка подобная обертка казалась необычной, сказочно-волшебной.

Официальные органы считали такую практику грубейшим нарушением, так как использовать загрязненную бумагу для упаковки в столичных городах Российской империи в конце XIX — начале XX века было категорически запрещено. Несмотря на это, в Москве в 1893 г. у торговцев сахарным песком были обнаружены бумажные пакеты, сделанные из приемных листов Басманного отделения больницы для чернорабочих [35, с. 10].

Особую радость детям доставляли необычные конфеты, «праздничные», которые продавались на базарных площадях во время народных гуляний. Во время пасхальной недели продавалось много праздничных товаров, в том числе и особые конфеты-леденцы. Полупрозрачные, выкрашенные в яркие цвета, они имели форму пони, петушков, а то и казаков на конях [4, с. 55]. Весело было ребятам, когда фигурные леденцы окрашивали рот и руки, а сам леденец становился прозрачным.

Взрослые — чины торговой полиции и санитарные врачи — не разделяли детской радости, ведь эти конфеты окрашивались запрещенными к употреблению красками. Так, из 29 образцов леденцов, присланных для исследования на московскую санитарную станцию в 1901 г., 55,2% были окрашены смоляными пигментами и недозволенными для окраски пищевыми и вкусовыми веществами, а один образец содержал даже свинцовую краску [13, с. 17]. Подобная продукция при обнаружении торговой полицией немедленно изымалась и уничтожалась. То, что очень нравилось детям в пасхальных леденцах — их краска, не было так безвредно, как казалось на первый взгляд.

Дети по-своему очень серьезно относились к вопросам гигиены. Так, по воспоминаниям А. Коонен, если у нее и других ребят появлялась копейка, они бежали к ларьку тети Поли, которая продавала в том числе и леденцы. Она выстраивала детей гуськом и

давала детям пососать конфетку за копейку. Она следила, чтобы «каждый сосал столько, сколько положено на его долю» [20, с. 8]. При этом, по мнению детей, тетя Поля была очень чистоплотна, так как перед тем как передать леденец другому, дети должны были обмакнуть конфету в баночку с водой, стоящую на прилавке.

Такую своеобразную «чистоплотность» выявляли и санитарные деятели. Так, во 2-й Пречистенской части санитарный врач наблюдал способ приготовления шоколадных конфет. Мастер погружал подготовленный конфетный фарш, наколотый на вилку, в расплавленный шоколад, а затем, для равномерного распределения шоколада по поверхности конфеты, обдувал ртом каждую конфету. Санитарный врач с ужасом осознал, к чему может привести такой способ приготовления конфет, принятый во многих московских кондитерских заведениях [30, с. 110].

Однако уследить за всеми нарушениями в сфере работы торгово-промышленных заведений было затруднительно из-за незначительного штата торговой полиции. Кроме того, укоренившиеся не только при производстве, но и в реализации кондитерской продукции традиции были достаточно сильны. Именно поэтому красящиеся конфеты, облизывание одного леденца несколькими ребятами не казались чем-то неправильным и самым торговцам, и детям-потребителям.

Заключение

Рассматривая и анализируя мир детской повседневности на примере лакомств, все время необходимо возвращаться к триаде — «вещи, коммуникация, рефлексия» [2, с. 56]. Для ребенка лакомство — это не только и не столько конкретное угощение, даже если оно очень вкусное и желанное. Это еще и взаимодействие с торговым миром, когда приобретение продукта становилось целым событием. Переживания ребенка выступали доминантой всех воспоминаний.

Как уже подчеркивалось, для всестороннего исследования этой темы использовалось сравнение мира лакомств глазами дилетантов — детей и экспертов — чинов торговой полиции. Такая методическая основа позволила выявить, что ценность лакомства-угощения для ребенка определялась не только вкусовыми качествами продукта. Важным для ребенка являлось и использование угощения как игрового элемента. Особые лакомства, доступные только в определенные праздничные дни, становились значимой ценностью для детей, имеющей подчас сакральное значение.

Художественно-визуальное пространство, используемое при изготовлении сладостей, то самое «великое мастерство» кондитеров, способно было поразить ребенка настолько, что эти воспоминания оставались доминантными даже спустя долгие годы.

Список использованных источников и литературы

1. Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2 (13). С. 21—24.
2. Банникова Е. В. Условия повседневности: факторы, определяющие жизнь [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 3 (7). С. 53—58. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/bannikova_2013_3.pdf.
3. Белова А. В. Пространство «женского детства» в российском дворянском доме конца XVIII — середины XIX в. // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20—22 октября 2011 г., Ярославль. М. : ИЭА РАН, 2011. Т. 2. С. 222—225.
4. Белоусов И. Ушедшая Москва: Записки по личным воспоминаниям. М. : Московское т-во писателей, 1927. 130 с.
5. Бочагов А. Д. Наша торговля и промышленность в старину и ныне (исторические очерки): Торговля предметами потребления. М. : ЛЕНАНД, 2015. 202 с.

6. Вальденфелос Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М. : Прогресс, 1991. С. 39—50.
7. Веременко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентных семьях России второй половины XIX — начала XX в. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79—105.
8. Веременко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX — начала XX в. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. 232 с.
9. Веременко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкина до Н. Л. Пушкина: Современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (46). С. 85—94. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-85-94
10. Веременко В. А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4 (3). С. 18—31.
11. Воцинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания. (Семейная хроника купцов Воцининных). Муром : Новые технологии, 2007. 160 с.
12. Гиляровский В. Москва и москвичи. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.
13. Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета, за 1901 год. М. : Гор. тип., 1904. 236 с.
14. Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета, за 1903 год. М. : Гос. тип., 1906. 243 с.
15. Горный С. Альбом памяти. СПб. : Гиперион, 2011. 192 с.
16. Григорьев М. А. Петербург 1910-х годов: прогулки в прошлое. СПб. : Российский ин-т истории искусств, 2005. 279 с.
17. Добужинский М. В. Воспоминания. М. : Наука, 1987. 477 с.
18. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов: Записки очевидцев. Л. : Лениздат, 1991. 269 с.
19. Ключева М. И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга в 1880—1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М. ; СПб. : Athenium-Феникс, 1997. С. 164—234.
20. Коонен А. Г. Страницы жизни. М. : Искусство, 1985. 446 с.
21. Лашенков П. Н. Сточные воды канатной фабрики, пивоваренных заводов, городской скотобойни, конфетной фабрики «Жорж Борман» и методы их очистки. Харьков : Тип. и лит. Н. В. Петрова, 1904. 49 с.
22. Маршак С. Я. Мороженое: Стихи для детей. М. : Молодая гвардия, 1929. 12 с.
23. Митлина Ю. В. Особенности хлебного производства в Санкт-Петербурге в конце XIX — начале XX в.: борьба с недоброкачеством и фальсификацией продукции // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 1. С. 299—304.
24. Митлина Ю. В. Торгово-промышленная деятельность товарищества «Жорж Борман» во второй половине XIX — начале XX в. // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 90—105.
25. Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX — начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь. Смоленск : Свиток, 2013. 416 с.
26. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. 1869—1920. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 766 с.
27. Отчеты московских городских врачей (санитарных, училищных и базарных смотрителей) за 1900 год. М. : Гор. тип., 1901. 213 с.
28. Отчет о деятельности торгово-санитарных врачей за 1909 год. СПб. : Гор. тип., 1910. 18 с.
29. Отчет С.-Петербургской городской управы за 1903 г., ч. 4: Санитарная комиссия. СПб. : Гор. тип., 1904. 471 с.
30. Отчет С.-Петербургской городской управы за 1905 г., ч. 5: Санитарная комиссия. СПб. : Гор. тип., 1906. 445 с.
31. Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века. СПб. : Гиперион, 2007. 288 с.
32. Прохорова Е. В. Материалы по истории торгово-санитарного надзора Петербурга — Петрограда — Ленинграда первой трети XX в. // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 62—71.
33. Пушкирева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 4 (1). С. 7—21.
34. Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб. : Гиперион, 1998. 125 с.
35. Суточные приказы Московского обер-полицмейстера по полиции // Известия Московской Городской Думы. М. : Гор. тип., 1894. № 10. С. 10—12.

36. Твердюкова Е. Д. Колбаса — дело доверия: фальсификация пищевых продуктов в России // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 71—82.
 37. Телешов Н. Г. Записки писателя. М. : Советский писатель, 1950. 358 с.
 38. Шмелев И. Лето господне. Праздники. Радости. Скорби. М. : Т8RUGRAM, 2018. 494 с.

Поступила в редакцию 18.02.2022

Митлина Юлия Витальевна, аспирант

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Российская Федерация, 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

E-mail: jmitlina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5338-0065

UDC 94(47)

Yu. V. Mitlina

The world of delicacies as a subject area of children’s everyday life through the eyes of a child and trade and sanitary services of the capital cities of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries

At the end of the XIX century, the local governments of capital cities of the Russian Empire began to pay more attention to quality control of food products, including those intended for children. The clerical sources of the trade and sanitary services of St. Petersburg and Moscow analyzed in this article and sources of personal origin make it possible to compare the quality criteria of sweets important for official services and for the final consumer — a child. Manufacturers and traders used a wide arsenal of tools to attract the attention of children: an unusual form of baking, a bright color of confectionery, the possibility of using sweets for games. In pursuit of an attractive appearance of products, manufacturers, according to the conclusion of the agents of trade and sanitary supervision, used prohibited dyes, low-quality raw materials, used newspaper sheets instead of wrappers, etc. A comparison of the opinions of a child consumer and an expert agent of the trade and sanitary supervision, who monitors the quality of food products, allows us to conclude that for children it is the emotional component that is crucial in evaluating treats, including ease of purchase, decoration, versatility of using sweets, and not its quality, taste and price.

Key words: children’s daily life, “the world of delicacies”, trade and sanitary services, metropolitan cities, culinary skills.

Mitlina Yulia Vitalievna, Postgraduate student

Pushkin Leningrad State University

Russian Federation, 196605, Saint Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 10

E-mail: jmitlina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5338-0065

References

1. Bannikova E. V. Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoi zhizni [Criteria of everyday life: theoretical and methodological foundations of the history of everyday life]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2011, no. 7-2 (13), pp. 21—24. (In Russian)
2. Bannikova E. V. Usloviya povsednevnosti: faktory, opredelyayushchie zhizn' [Conditions of daily life: the factors defining life]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 3 (7), pp. 53—58. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/bannikova_2013_3.pdf. (In Russian)
3. Belova A. V. Prostranstvo “zhenskogo detstva” v rossiiskom dvoryanskom dome kontsa XVIII — serediny XIX v. [The space of “women’s childhood” in a Russian noble house of the late 18 — mid-19th centuries]. *Chastnoe*

i obshchestvennoe: gendernyi aspekt: materialy Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 20—22 oktyabrya 2011 g., Yaroslavl' [Private and public: gender aspect. Proceed. of the Fourth International Scientific Conference of Russian Association of Women's History Researchers and Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Oct. 20—22, 2011, Yaroslavl]. Moscow, IEA RAN Publ., 2011, vol. 2, pp. 222—225. (In Russian)

4. Belousov I. *Ushedshaya Moskva: Zapiski po lichnym vospominaniyam* [Gone Moscow: Notes on personal memories]. Moscow, Moskovskoe t-vo pisatelei Publ., 1927. 130 p. (In Russian)

5. Bochagov A. D. *Nasha trgovlya i promyshlennost' v starinu i nyne (istoricheskie ocherki): Torgovlya predmetami potrebleniya* [Our trade and industry in antiquity and now (historical essays): Trade in consumer goods]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 202 p. (In Russian)

6. Val'denfelos B. *Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti* [Everyday life as a melting pot of rationality]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 39—50. (In Russian)

7. Veremenko V. A. *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentnykh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Hygiene of a schoolchild in the noble-intellectuals families of Russia in the second half of the 19 — early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti*, 2017, no. 2 (4), pp. 79—105. (In Russian)

8. Veremenko V. A., Zhukova A. E. *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligentnykh sem'yakh Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Educational practices in the noble and intellectuals families of Russia in the second half of the 19 — early 20th centuries]. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2020. 232 p. (In Russian)

9. Veremenko V. A., Lyubichankovskii S. V. *Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: Sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoi povsednevnosti v Rossii* [From Natalia L. Pushkareva to Natalia L. Pushkareva: contemporary historiography of Russian women's daily life history]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya — Perm University Herald. History*, 2019, no. 3 (46), pp. 85—94. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-3-85-94 (In Russian)

10. Veremenko V. A. *Ukhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Care for children of early age in the noble families of Russia in the second half of XIX — early XX centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, no. 4 (3), pp. 18—31. (In Russian)

11. Voshchinina-Kiseleva N. P. *O Murome. Vospominaniya. (Semeinaya khronika kuptsov Voshchininykh)* [About Murom. Memories. (Family chronicle of merchants Voshchinins)]. Murom, Novye tekhnologii Publ., 2007. 160 p. (In Russian)

12. Gilyarovskii V. *Moskva i moskvichi* [Moscow and Muscovites]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attiskus Publ., 2020. 480 p. (In Russian)

13. *Godovoi otchet Moskovskoi gorodskoi sanitarnoi stantsii, ustroennoi pri Gigienicheskom institute Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, za 1901 god* [Annual report of the Moscow City Sanitary Station, arranged at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University, for 1901]. Moscow, Gor. tip. Publ., 1904. 236 p. (In Russian)

14. *Godovoi otchet Moskovskoi gorodskoi sanitarnoi stantsii, ustroennoi pri Gigienicheskom institute Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, za 1903 god* [Annual report of the Moscow City Sanitary Station, arranged at the Hygienic Institute of the Imperial Moscow University, for 1903]. Moscow, Gos. tip. Publ., 1906. 243 p. (In Russian)

15. Gornyi S. *Al'bom pamyati* [Memory album]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2011. 192 p. (In Russian)

16. Grigor'ev M. A. *Peterburg 1910-kh godov: progulki v proshloe* [Peterburg in the 1910s: walks into the past]. St. Petersburg, Rossiiskii in-t istorii iskusstv Publ., 2005. 279 p. (In Russian)

17. Dobuzhinskii M. V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 477 p. (In Russian)

18. Zasosov D. A., Pyzin V. I. *Iz zhizni Peterburga 1890—1910-kh godov: Zapiski ochevidtsev* [From the life of St. Petersburg in the 1890s—1910s: Notes of eyewitnesses]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 269 p. (In Russian)

19. Klyucheva M. I. *Stranitsy iz zhizni Sankt-Peterburga v 1880—1910* [Pages from the life of St. Petersburg in 1880—1910]. *Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Nevsky archive: Historical and local history collection]. Moscow, St. Petersburg, Athenium-Feniks Publ., 1997, pp. 164—234. (In Russian)

20. Koonen A. G. *Stranitsy zhizni* [Pages of life]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 446 p. (In Russian)

21. Lashchenkov P. N. *Stochnye vody kanatnoi fabriki, pivovarennykh zavodov, gorodskoi skotoboini, konfetnoi fabriki "Zhorzh Borman" i metody ikh ochistki* [Waste water from the rope factory, breweries, city slaughterhouse, Georges Bormann candy factory and methods for their treatment]. Kharkov, Tip. i lit. N. V. Petrova Publ., 1904. 49 p. (In Russian)

22. Marshak S. Ya. *Morozhenoe: Stikhi dlya detei* [Ice Cream: Poems for Children]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1929. 12 p. (In Russian)

23. Mitlina Yu. V. Osobennosti khlebnogo proizvodstva v Sankt-Peterburge v kontse XIX — nachale XX v.: bor'ba s nedobrokachestvennost'yu i fal'sifikatsiei produktsii [Peculiarities of bread production in St. Petersburg in the late 19 — early 20th centuries: the fight against poor quality and falsification of products]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Natural and geographical factors in the everyday life of the Russian population: history and modernity. Proceed. of the Internat. sci. conf.]. St. Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2019, vol. 1, pp. 299—304. (In Russian)
24. Mitlina Yu. V. Torgovo-promyshlennaya deyatel'nost' tovarishchestva “Zhorzh Borman” vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Commercial and industrial activities of the Georges Borman company in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Istoriya povsednevnosti*, 2020, no. 4 (16), pp. 90—105. (In Russian)
25. Mitsyuk N. A. *Zhenshchiny rossiiskoi provintsii XIX — nachala XX veka: vospitanie, obrazovanie, sotsiokul'turnoe prostranstvo i povsednevnyaya zhizn'* [Women of the Russian province of the 19 — early 20th centuries: upbringing, education, socio-cultural space and everyday life]. Smolensk, Svitok Publ., 2013. 416 p. (In Russian)
26. Obolenskii V. A. *Moya zhizn'. Moi sovremenniki. 1869—1920* [My life. My contemporaries. 1869—1920]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 766 p. (In Russian)
27. *Otchety moskovskikh gorodskikh vrachei (sanitarnykh, uchilishchnykh i bazarnykh smotritelei) za 1900 god* [Reports of Moscow city doctors (sanitary, school and market caretakers) for 1900]. Moscow, Gor. tip. Publ., 1901. 213 p. (In Russian)
28. *Otchet o deyatel'nosti torgovo-sanitarnykh vrachei za 1909 god* [Report on the activities of trade and sanitary doctors for 1909]. St. Petersburg, Gor. tip. Publ., 1910. 18 p. (In Russian)
29. *Otchet S.-Peterburgskoi gorodskoi upravy za 1903 g., ch. 4: Sanitarnaya komissiya* [Report of the St. Petersburg City Council for 1903, Part 4: Sanitary Commission]. St. Petersburg, Gor. tip. Publ., 1904. 471 p. (In Russian)
30. *Otchet S.-Peterburgskoi gorodskoi upravy za 1905 g., ch. 5: Sanitarnaya komissiya* [Report of the St. Petersburg City Council for 1905, Part 5: Sanitary Commission]. St. Petersburg, Gor. tip. Publ., 1906. 445 p. (In Russian)
31. Piskarev P. A., Uralab L. L. *Milyi staryi Peterburg. Vospominaniya o byte starogo Peterburga v nachale XX veka* [Dear old Petersburg. Memories of life in old Petersburg at the beginning of the 20th century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 288 p. (In Russian)
32. Prokhorova E. V. Materialy po istorii torgovo-sanitarnogo nadzora Peterburga — Petrograda — Leningrada pervoi treti XX v. [Materials on the History of Food Control in St. Petersburg — Petrograd — Leningrad in the First Third of the 20th Century from St. Petersburg Archival Fonds]. *Vestnik arkhivista — Herald of an Archivist*, 2016, no. 3, pp. 62—71. (In Russian)
33. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossiiskoi filosofskoi shkole [“Everyday life history” in modern historical research: from school of the annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, no. 4 (1), pp. 7—21. (In Russian)
34. Svetlov S. F. *Peterburgskaya zhizn' v kontse XIX stoletiya (v 1892 godu)* [Petersburg life at the end of the 19th century (in 1892)]. St. Petersburg, Giperion Publ., 1998. 125 p. (In Russian)
35. *Sutochnye prikazy Moskovskogo ober-politsmeistera po politzii* [Daily orders of the Moscow chief police chief for police]. *Izvestiya Moskovskoi Gorodskoi Dumy* [Bulletin of the Moscow City Duma]. Moscow, Gor. tip. Publ., 1894, no. 10, pp. 10—12. (In Russian)
36. Tverdyukova E. D. Kolbasa — delo doveriya: fal'sifikatsiya pishchevykh produktov v Rossii [“Sausage is a matter of confidence”: the counterfeiting of foodstuffs in Russia during the years of the First World War (1914—1918s)]. *Noveishaya istoriya Rossii — Modern History of Russia*, 2015, no. 1, pp. 71—82. (In Russian)
37. Teleshov N. G. *Zapiski pisatelya* [Notes of the writer]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1950. 358 p. (In Russian)
38. Shmelev I. *Leto gospodne. Prazdniki. Radosti. Skorbi* [Summer of the Lord. Holidays. Joy. Sorrow]. Moscow, T8RUGRAM Publ., 2018. 494 p. (In Russian)